

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

К критике и в защиту концепции власти-собственности

Д. В. Трубицын

Забайкальский государственный университет (Чита, Россия)

Анализ концепции власти-собственности и ее критики показывает, что вопрос состоит не в наличии данного феномена, а в степени его выраженности в тот или иной период истории конкретных стран. Поэтому для положительного накопления знания в исторических исследованиях проблемы *laissez-faire* и дирижизма при переходе к современному экономическому росту необходимо применять методы теоретической истории. Это позволит преодолеть метафизический характер рассуждений, свойственный всем участникам дискуссии, но особенно — марксистам. Используемый ими понятийный аппарат полезен, однако должен применяться не автоматически, а как метатеоретическое обоснование исследования, которое еще требуется провести. Определены недостатки и «материалистического» объяснения феномена власти-собственности, и «институционального», и рекомендовано отделять проблему возникновения этого феномена от проблемы его воспроизводства. Аргументация выстроена на материалах отечественной и зарубежной историографии Китая и положениях исторической социологии в области исследования динамики традиционных обществ.

Ключевые слова: власть-собственность, Восток, модернизация, современный экономический рост, марксизм, материализм, институционализм.

JEL: B20, B40, N10, P00, P20.

Название работы обусловлено сложной задачей — обнаружить точки согласия в дискуссии по поводу указанной концепции и если не примирить позиции буквально, то хотя бы наметить выход из тупика. Понятие власти-собственности полезно и в объяснении отдаленной исторической динамики доиндустриальных обществ, и для анализа проблемы перехода к современному экономическому росту. С другой стороны, не во всем неправы критики концепции.

Трубицын Дмитрий Викторович (dvtrubitsyn@yandex.ru), д. филос. н., проф. ЗабГУ.

Об актуальности проблемы

Подчеркнем значимость дискуссии, которая в расширенной версии, о специфике Востока, разворачивается уже более двух тысячелетий: от Аристотеля и Геродота, обнаруживших эту специфику в деспотической власти, до «гидравлической цивилизации» К. Виттфогеля в XX в. (Wittfogel, 1957). И хотя обсуждаемая в ней проблема всегда носила междисциплинарный характер, экономический аспект был выражен с самого начала.

Термин «деспотизм» происходит от древнегреческого «деспотес» — «хозяин, глава дома, руководящий семейным хозяйством» (Иванов, 1993. С. 4), и уже Аристотель, трактовавший такую власть как власть над рабами, приписывал ее жителям Азии в качестве политического свойства (Аристотель, 1983). А. Смит, анализируя взаимозависимость ренты и налога, указал на специфическую связь между ними в государствах Азии (Смит, 2007), а Маркс ввел понятие «азиатский способ производства» (Маркс, Энгельс, 1957. С. 132; 1959. С. 7; 1960. С. 371; 1962. С. 215, 221), на основе которого социальная действительность Востока рассматривалась как действительность экономическая. В отечественной науке указанная дискуссия велась преимущественно вокруг данного понятия, и обсуждение феномена власти-собственности стало очередным ее этапом. Однако на каждом из них обнаруживалась политизация проблемы — моменты оживления дискуссии не случайно выпадали на периоды обострения идеологической борьбы в ситуациях исторических «развилок». Положение усугублялось тем, что спор всякий раз упирался в вопрос о сущности советского режима, и в рамках официальной историографии продолжаться не мог. Это касается и первой волны — становления сталинской историографии, и второй — Оттепели 1960-х гг., и третьей — перестроечных и постперестроечных 1980—1990-х гг., когда и появился анализируемый концепт. Не избежал этого современный этап: как и предшествующие, он связан с драматическим поворотом российской истории. Однако если идеологизация советской историографии была тотальной, то сегодня пока есть возможность для научной дискуссии.

Концепция власти-собственности возникла в рамках историческо-го востоковедения (Васильев, 1982), однако содержала значительный потенциал в области экономики, который после крушения официального марксизма реализовался в конкретных трудах (Гайдар, 1997; Нуреев, Рунов, 2002; Нуреев, Латов, 2007; Бережной, Вольчик, 2008; Плискевич, 2008). Несмотря на критику, концепция стала использоваться как теоретическое основание дальнейших исследований. Ее положения органично сочетаются с результатами изысканий в области экономической социологии, с теоретическими конструктами «раздаточная экономика», «институциональная матрица» (Бессонова, 1999; Кирдина, 2000; Плискевич, 2018). Особые возможности она дает для междисциплинарных исследований циклов российской истории, волн реформ/контрреформ, приватизаций/национализаций, что и заставляет обратить внимание на ее достоинства и недостатки.

Об относительности понятий

В центре внимания — современная критика концепции, представленная в статье А. Колганова (2017). Ее автор не считает, что утверждаемое в концепции полностью неверно, признает факт большего, по сравнению с Западом, влияния власти на собственность в странах Востока, но это, по его мнению, не дает достаточных оснований вводить в научный аппарат

соответствующий концепт. Со ссылкой на труды Л. Алаева он пишет, что «везде мы видим условную частную собственность», однако в античном обществе развивалась крупная собственность, стремившаяся освободиться от государственной регламентации, а на Востоке это имело место в значительно меньших масштабах. Для применения этого концепта к российской истории нет никаких оснований (Колганов, 2017. С. 85, 88).

В любом научном понятии зафиксирована не реальность, а наше представление о ней, и научный спор есть спор о том, насколько близко или далеко от нее находятся вводимые учеными теоретические конструкции. Однако они никогда не совпадают с реальностью в полной мере. В научных школах это обстоятельство фиксировалось по-разному, но в основном проблему поднимали мыслители, получившие в отечественной историографии ярлык «идеалистов». Там же, где наука избежала прямого воздействия идеологии, дискуссия между идеалистами/субъективистами и материалистами/объективистами привела к компромиссу восприятия понятия как переменной или тенденции.

Без данного условия любой научный текст легко превращается в спекулятивный. Можно, например, указать на факты нарушения демократии и прав собственности в США и сказать, что ни демократии, ни частной собственности там нет. Но отсюда же видно, что это условие должно сопровождаться другим: оценка степени приближения понятия к реальности должна быть не произвольной, а эмпирически и теоретически обоснованной (при каком количестве нарушений демократии она перестает считаться таковой). Это условие нарушает сам критик, когда заявляет, что содержание экономического отношения «относительно инвариантно по отношению к экономической форме: в основе одной и той же формы (например, государственной) могут лежать существенно различающиеся по экономическому содержанию отношения, например общественный европейский университет и сталинский ГУЛАГ» (Колганов, 2017. С. 83). Даже при учете слова «относительно» эта фраза — игра на частностях. Ведь рассуждения строятся в рамках истории экономики как генерализирующей науки, цель которой — выявление закономерностей, показывающих, что даже при наличии частных случаев для поведения людей характерны общие тенденции. В противном случае ни экономических, ни социологических законов, ни наук, их выявляющих, никогда бы не существовало. Автор пишет, что это доказано в «классической политэкономии», но одно дело — доказательство факта наличия случаев, и другое — наличия их как систематических явлений. В реальной истории преобладание государственной собственности совпадает с доминированием властных вертикалей, а преобладание частной — с господством горизонтальных договорных отношений. Сомнительно, чтобы в сталинском СССР возник и долго существовал самоуправляющийся университет европейского типа, а ГУЛАГ — в условиях экономических и правовых отношений современного Запада. Что то, что другое — *закономерно*, и эта закономерность — цель науки.

Это тем более важно, если исследуются длительные периоды истории крупных сообществ. В пятитысячелетней истории восточных цивилизаций есть примеры чего угодно. Вопрос в том, насколько они систематичны, указывают они на общие тенденции или остаются частностями.

От «методологии» — к методу

Колганов (2017) заявляет методологический анализ, однако методология, хотя это и абстрактная дисциплина, по отношению к реальному научному исследованию должна предполагать выход на уровень метода. Автор же не показывает, каким способом непосредственной обработки данных он может опровергнуть критикуемую концепцию. Предлагаемая им аналитическая цепочка является методологией для философского, но не для исторического или экономического исследования. При таком условии ни поставленная в дискуссии проблема власти-собственности, ни затронутая ее участниками смежная — соотношения *laissez-faire* и дирижизма в возникновении современного роста — не решается. Поскольку есть теоретический конструкт и реальность, в той или иной мере соответствующая этому конструкту, вопрос состоит не в факте существования этой реальности (ни сторонники, ни критики концепции не отрицают «особых» отношений между властью и собственностью на Востоке), а в степени ее выраженности в тот или иной период. И степень эта выявляется только при помощи конкретного метода. Даже на Востоке государство вмешивалось в собственнические отношения с переменной активностью. Периоды правления Старшей Хань и Сун китайской истории отличаются от других — экономический рост тогда сопровождался вмешательством власти в собственность в меньшей степени, чем в другие периоды. Внутри каждого из периодов также можно обнаружить динамику.

Как это позволит разрешить конкретные противоречия дискуссии? Критик пишет о наличии в России XVIII в. частной собственности, считая абсурдом утверждение о господстве в ее поземельных отношениях власти-собственности (Колганов, 2017). Можно привести немало контраргументов, но дело в том, что такая дискуссия бесплодна. Когда В. О. Ключевский утверждает, что «у нас не образовалось бы столько частных земельных собственников, сколько их оказалось в XVIII в.», и на что ссылается Колганов (2017. С. 88), он не сравнивает количественные данные с Западом или Востоком с выполнением правил применения этого метода. Важна и степень *реальной* независимости собственности, даже когда она фиксируется в документах как частная, «отчинная».

Поэтому реальные результаты даст сравнительная история, которая между фактами и концептуализацией поместит проверяемые теоретические положения, приведет к положительному накоплению знания (доказанным или опровергнутым суждениям) и выведет дискуссию из тупика абстрактных рассуждений. О возможности такой познавательной стратегии говорит развивающееся сегодня «позитивистское» направление исторической социологии (Розов, 2001, 2009), а также работы по математической истории (Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев и др.). Применение подобных методов показывает зрелость исторической науки и социального познания в целом, демонстрирует их отрыв от идеологии, научную обоснованность их философской рефлексии. Однако по данному вопросу дискуссия ведется «традиционным» способом — путем эпизодического подбора фактов с непосредственным выходом на философский уровень. Более того, ее участники (как минимум, одна сторона) неприкрыто враждебно относятся к данному направлению, на

что указывают эпитеты «примитивный позитивизм», «ползучий эмпиризм» (Колганов, 2017. С. 93). Такое отношение к методу заставляет усомниться в выводах, особенно о проблеме рынка и госрегулирования, когда пишется о «широкомасштабном государственном интервенционализме» в процессе «форсированной модернизации» (Колганов, 2017. С. 93). Даже если это подтверждается некоторыми фактами по отношению к обществам, «основанным на частной собственности», к критике концепции это неприменимо, так как она говорит о других обществах — тех, которым еще только предстоит в процессе модернизации стать основанными на частной собственности. Процесс этот происходил посредством развития капитализма «снизу». Государство вмешивалось и использовало его для себя, только когда он становился далеко зашедшим и мог предоставить ему финансовые и технологические преференции для усиления своих позиций. На ранних этапах и особенно на Востоке оно воспринимало этот процесс как деструктивный и подавляло его¹. И понятие власти-собственности объясняет почему.

Об исторической необходимости

Критика концепции обнаруживает трудности материализма в целом. В частности, требует коррекции объяснение господства на Востоке государственной собственности. Оно определялось, пишет автор, не столько институциональной, сколько технологической негарантированностью успешного ведения частного хозяйства — вне общей оросительной сети или военной защиты от набегов оно не могло выжить (Колганов, 2017).

Возможно, по отношению к аридной зоне и наиболее древним цивилизациям — выраженным централизованным деспотиям Египта и Месопотамии с их государственным хозяйством — это верно, но для большей части остальной истории Востока — нет. Частная собственность и благоприятствующая ей политическая система — полная или частичная децентрализация — существовали здесь длительные промежутки времени, а где-то могли и преобладать. «Сильные дома» Китая, например, существовали сотни лет, процветали и уходили с исторической сцены не в результате экономической неэффективности, не выдержав конкуренцию с общинным землевладением, — их уничтожали насильственно.

«Через всю историю Ранней Хань красной нитью проходит борьба против частной земельной собственности, но к концу I в. до н. э. она приобретает исключительную остроту» (Якобсон, 2002. С. 450). «К концу X в. в Китае завершается длительный процесс распада надельной системы землепользования. Сунское правительство отказывается от установления земельного порядка» (Алаев, Ашрафян, 2002. С. 305). Почему ведется борьба с тем, что само не в состоянии выжить? К тому же источником частного землевладения были не обязательно коррупция и произвол, но и легальная купля-продажа земли. В поздней Мин она была основным каналом приобретения собственности, а «вложение денег в землю приносило твердый доход» (Алаев и др., 2000. С. 279). Как это могло быть, если частное хозяйство было экономически несостоятельно? Отсутствие экономической необходимости подавления собственности показывают расходы государст-

---

¹ «Революции сверху», например, реформы Мэйдзи, являются исключением только на первый взгляд.

ва. Как только появлялась централизованная власть, разворачивалось строительство, которое историки оценивают как превышающее экономические возможности страны. В причинах крушения Цинь, Старшей Хань и Суй в качестве «истощивших финансы государства» упоминается не только «транспортно-иригационное строительство», но и «чрезмерная роскошь и расточительство двора, размах дворцового строительства, агрессивная внешняя политика» (Алаев, Ашрафян, 2002. С. 157). Неверна и отсылка к обороне: в периоды политической раздробленности Китая не прекращались набеги, но одновременно в зените могущества находились «сильные дома». Например, в эпоху Сун часть страны была завоевана кочевниками, и оставшаяся на юге династия вела с ними бои. В то же время историки оценивают этот период как время максимального усиления (в масштабах восточной цивилизации) частнособственнических тенденций.

Поэтому неверно, что самостоятельные частные хозяйства «были неспособны выжить как массовый преобладающий тип» (Колганов, 2017. С. 86). Автор тут же поправляется: «Они могли численно доминировать, но государство экономически нуждалось в крупном хозяйственном укладе, опирающемся на массовые общественные работы, требующие государственного руководства и перераспределения продукта» (Колганов, 2017. С. 86). Заметим, выше он писал, что «частное землевладение было для большинства... лишь дополнительным каналом присвоения» (Колганов, 2017. С. 85). Как дополнительное может численно превышать главное (иногда — семикратно²) и как оно может «доминировать», если не способно выжить как «массовый преобладающий тип»?

Очевидно, что частное землевладение росло, а в условиях политической децентрализации расцветало, вытесняя каждый цикл китайской (и не только³) истории общинное. Да, объективные последствия его роста были губительны для традиционной восточной государственности, поскольку порождали расслоение крестьян, финансовый кризис, ослабление центра и сепаратизм, но мы не видим «хозяйственно-технологической негарантированности успешного ведения частного хозяйства». Напротив, имел место важный в марксистской концепции «рост производительных сил», причем не только за счет технологий и введения в оборот новых земель, но и за счет новых «производственных отношений». Наблюдалась не деградация хозяйства, а «рост арендных отношений в рамках частного землевладения» (Алаев, Ашрафян, 2002. С. 536). Иными словами, это было начало перехода от «мальтузианского» роста к «смитианскому», наблюдавшееся в истории восточных обществ *неоднократно*.

Таким образом, объяснять факт широких экономических полномочий государства Востока и сосредоточения власти и собственности в одних руках экономической несостоятельностью частных хозяйств неправомочно. В Китае они «не смогли стать господствующей формой», потому что подавлялись, не успевая *исторически* доказать свою эффективность.

Однако и для полного отказа от «материалистического» подхода оснований нет. Критики концепции правы в том, что данный феномен не возник сам по себе как политическое явление, и задают справедливые

² В начале периода Мин соотношение казенной земли (гуань тянь) и частной (мин тянь) было один к семи (Алаев, Ашрафян, 2002. С. 533).

³ Процессы приватизации/национализации были во всех странах Востока на протяжении его истории, хотя и не всегда в такой выраженной циклической последовательности, как в Китае.

вопросы: почему создатели концепции кладут в основу генезиса «азиатской» собственности не хозяйственные функции, а властные полномочия, а юридическая сторона вопроса ставится впереди экономической? Действительно, выводить экономическую систему древневосточных обществ только из властных функций государства безосновательно (Колганов, 2017). В объяснении происхождения данного феномена концепция несовершенна, и тот же «азиатский способ производства» объясняет его полнее, поскольку учитывает совокупность специфических черт и факторов их происхождения в процессе зарождения классового общества и государства на Востоке (климат, природные ресурсы, технологии, социальные структуры). Сторонники концепции абсолютизируют *одну из* черт традиционного восточного общества, безусловно, важную, превращая ее в некое субстанциональное отличие. Их рассуждения срastaются здесь с институционализмом, представителями которого они себя признают, и к ним применимы критические соображения, которые применяются к данному направлению.

Необходимость разделения проблемы

В чем же выход? Полагаем, следует отделить проблему возникновения феномена от проблемы его дальнейшего исторического воспроизводства. Понятие власти-собственности плодотворно в актуализации второй, критики указывают на неудовлетворительное решение именно первой. И они правы, де-факто это признает Л. Васильев (2003), не дающий окончательный ответ на вопрос о причине «социальной мутации», приведшей на Западе к появлению автономной от власти собственности.

Главное, что заставляет разделить проблему на указанные аспекты: в процессе исторического развития этот феномен превращается в *самодовлеющую силу*, не имеющую оснований в предельно объективных, относящихся к «базису», условиях. Марксизм удовлетворительно объясняет происхождение данного феномена, но не его последующее, из столетия в столетие, воспроизводство. Для объяснения сегодняшнего засилья власти-собственности в ряде государств формула «исторического единства производительных сил и производственных отношений» превращается в оторванную от реальности метафизическую схему. Ведь производительные силы растут, а производственные отношения, хотя и медленно, меняются, но довлеющее влияние государства на экономику, а власти — на собственность остается. В Китае последних десятилетий производительные силы несопоставимо выросли, изменились и производственные отношения. Но государство и его гипертрофированная роль никуда не делись, а сегодня обнаруживают тенденцию к росту. Похожий, но не идентичный пример — Россия последних двух десятилетий. Активность государства росла по мере экономического роста (пусть сырьевого), но имелись ли для этого основания в «единстве производительных сил и производственных отношений»? Власть наступает на собственность далеко не только для обеспечения роста, но и для использования его в своих целях. Как и на традиционном Востоке, однако *в разных отраслях по-разному*.

Тренд взаимосвязи власти и собственности в маргинальных для традиционной экономики сферах ремесла и торговли выглядит иначе. Если в аграрном секторе каждый период начинается с фазы «сильного государства» — гаранта общинного землевладения, и весь следующий цикл система «власть-собственность» ослабевает, а частная собственность растет, то здесь — наоборот. Начинается цикл если не со свободы этих отраслей от государственной опеки, то, во всяком случае, с некоторого равнодушия к ним как несущественным⁴. Однако по мере их роста государство, и как институт, и в качестве выразителя интересов конкретных лиц, активизируется, прибирая к рукам наиболее доходные сферы. И вскоре это сказывается на качестве роста — коррупция и регламентация делают свое дело. Показательны монополии на наиболее ликвидные товары — соль, железо, чай, алкоголь, вводимые примерно в середине каждого цикла в ответ на первые признаки финансового кризиса и приводившие к стагнации в этих отраслях.

В любом случае динамика производительных сил и производственных отношений далеко не всегда коррелирует с трендом «власть-собственность». Здесь показательны рассуждения автора критики о причинах крушения социализма — как сказано выше, дискуссия об азиатском способе производства упирается в идеологически важный вопрос о сущности советского строя. Из этих рассуждений вытекают не совсем экономические и совершенно не материальные причины данного события. В его модели речь идет о том, что в конечном счете порождено «надстройкой» — политикой и моралью чиновничьего класса: отход бюрократии от компромисса с интересами трудящихся, чрезмерная узурпация функций советской бюрократией и основанное на этой узурпации вытеснение общих интересов (Колганов, 2017). Немного добавляет «экономизма» упоминание о «росте транзакционных издержек общегосударственной системы» и «подрыв эффективности планового хозяйства» (Колганов, 2017. С. 90–91), однако без показателей и сравнения с другими странами это повисает в воздухе. Ведь рост транзакционных издержек и снижение эффективности приводят к распаду далеко не всякую экономику, а лишь «специфически» выстроенную. Автор не замечает, как встает на сторону оппонентов, поскольку «приватизация государства» и «чрезмерное расширение полномочий чиновников» и есть то, о чем пишут создатели концепции. Крушение социализма вместе с государством потому и произошло, что это общественное устройство предполагало жесткую связь политики и экономики, как предполагали ее все восточные деспотии. Эта связь и обрекала их на путь циклической динамики.

Важно, что речь в данной части критики шла о запрете отождествления азиатского способа производства и социализма. И хотя автор пытается доказать, что это «разные системы общественных отношений», его аргументы не убеждают. И узурпация полномочий, и замыкание на своих интересах чиновников, приводящие к деградации системы управления экономикой, не отличаются принципиально от механизма циклов стагнации и крушений деспотических государств под влиянием деградации элиты. Роскошь и расточительство правящих династий — тот же «рост транзакционных издержек» в условиях такой же «закрытой» (до необратимого перехода к смитианскому росту) экономики. Сходство этих механизмов показывает, что «отождествление советской и азиатской систем» не всегда — «поверхностная аналогия» (Колганов, 2017. С. 93).

---

⁴ Четко отражено в традиционной политэкономической доктрине Китая «ствол и ветви».

Эксплуатация трудящихся масс

Компромиссу препятствует трактовка системы экономических отношений как способа «присвоения». Эксплуатация имеет место в истории человеческих сообществ, однако наряду с иными конфликтными формами социального взаимодействия — насилием, принуждением, неравенством. И если в 40-е гг. XIX в. ввиду положения наемных рабочих в Европе строить на ней философскую систему было уместно, то рассматривать древневосточное общество исключительно в этом ракурсе сегодня означает игнорировать факты. Они показывают, что крестьянство на Востоке являлось *основной силой*, восстанавливающей всякий раз типичную для данного региона государственность. И пока эта государственность была сильна, она выступала гарантом общинного землевладения. Экономическое положение крестьян на Востоке ухудшалось по мере трансформации отношений, когда, с одной стороны, росла частная собственность, с другой — разлагался и коррумпировался чиновничий класс, то есть примерно в начале последней трети каждого периода (особенно выражено — в эпохи Старшей Хань, Тан, Сун, Мин). И тогда крестьянство — главный социально-экономический субъект, вытесненное из этого положения приватизацией, становилось сильнейшим политическим субъектом, и в виде многотысячных отрядов бедноты, разбойников, беглых рабов и «подлого люда» начинало восстановление «небесного порядка».

Это произошло на рубеже правления Старшей и Младшей Хань, когда правительство допустило расслоение крестьянского класса. Размах восстаний показал, что крестьяне и рабы представляют силу, с которой придется считаться. Если до этого собственники были способны заблокировать меры правительства в пользу сохранения общинного землевладения, то теперь об этом не могло быть и речи (Якобсон, 2002). «Обновленная» династия стала опираться не на землевладельцев, а на крестьян. Это означало нажим на крупных собственников, которые оказали сопротивление: «сильные дома» подняли мятеж, но он был подавлен. История эта повторялась, например, в конце наиболее длительного периода раздробленности, когда династия Суй вернула и закрепила государственную надельную систему, покончив, на время, с «сильными домами» (Алаев, Ашрафян, 2002).

Поэтому восточная государственность — это не только «аппарат насилия», но и средство заботы о «трудящихся массах». «Введение надельной системы — стремление государства поставить преграду росту крупного землевладения, отражение борьбы между частными землевладельцами и государственной собственностью» (Алаев, Ашрафян, 2002. С. 75). И как видим, «честное» государство (некоррупцированные чиновники) было в этой борьбе на стороне крестьян⁵. Каждая новая династия начинала с политики в их интересах, но спустя три–четыре поколения все повторялось. При этом, как показал пример Хань, крестьянам было не обязательно побеждать в этой борьбе. Далеко не каждое восстание, даже крупнейшее, завершалось приходом к власти «крестьянского императора». Часто они подавлялись, но успевали нанести смертельный удар династии,

⁵ Отражалось в требованиях шэньши. Это сословие было влиятельным, но не всегда допускалось к реальной власти, поскольку в условиях перепроизводства элиты — типичного явления восточной истории — сдача экзамена не гарантировала получение должности. Не участвуя в приватизации общинного фонда, они зачастую занимали по этому вопросу более жесткую позицию.

допустившей нарушение «небесного порядка» и лишившей себя «мандата неба». Но именно крестьяне были главным игроком на этой арене.

Здесь вновь актуален вопрос о природе советского социализма. Трактую способ производства как «способ присвоения», Колганов критикует концепцию за отождествление социализма с восточными деспотиями и противопоставляет азиатских чиновников советским. В первом случае речь идет о «присвоении прибавочного продукта государственной верхушкой», во втором — об «организации взаимодействия коллективов для достижения общегосударственных целей» (Колганов, 2017. С. 89). Бюрократия азиатской деспотии «монопольно присваивает продукт, реализуя лишь собственный интерес», общественные работы нацелены «в конечном счете на производство и присвоение прибавочного продукта государственной иерархией» (Колганов, 2017. С. 88). Советская же бюрократия хотя и реализует личный интерес, но «в весьма ограниченных масштабах», поскольку «перераспределение продукта в значительной степени направлено на реализацию интересов большинства» (Колганов, 2017. С. 89).

Спекулятивный характер аргументации может преодолеть только непосредственное исследование. Ведь советской бюрократии был не чужд эгоистический интерес, а азиатские чиновники не только «присваивали продукт», но и «служили народу». Значит, вопрос состоит лишь в степени альтруизма одних и эгоизма других. Однако автор не предлагает никакого метода выявления и сравнения этой степени, а обходится фразами «весьма ограниченные масштабы» и «в значительной степени».

При этом причиной крушения социализма он считает превращение советских «слуг народа» в типичных азиатских «эксплуататоров»: «...отход бюрократии от компромисса с интересами большинства вызвал эрозию указанной поддержки, что привело к гибели советской системы» (Колганов, 2017. С. 89). Но если «узурпация чрезмерных прерогатив» чиновниками уничтожила социализм, а он — закономерный этап общественного развития, значит, это было отклонение от некоей социалистической нормы (слово «чрезмерный» недвусмысленно), и сначала советская система этой норме соответствовала. Когда это произошло, в рамках какого периода советской власти имелось соответствие этому идеалу? Автор пишет, что «этот процесс развивался постепенно, но уже в 1920-е гг. тенденция социального расслоения по этой линии стала явной» (Колганов, 2017. С. 92). Означает ли это, что «правильный» социализм, без «чрезмерной узурпации полномочий чиновниками», существовал только в период военного коммунизма и нэпа?

Собственность рождает власть или наоборот?

Выражение «собственность рождает власть» слишком абстрактно для адекватного отражения реальности. Автор упоминает олигархические тенденции на Западе, где «управляющие структуры корпораций, а не только государственные чиновники, концентрируют в своих руках немалую власть, прямо вытекающую из экономических отношений, которые обеспечивают им контроль над собственностью» (Колганов,

2017. С. 92). Оставляя без комментариев отсутствие данных и сравнения степени распространения явления с «патримониальными» экономиками, отметим важность вопроса об источнике собственности. Одно дело, если это — результат предпринимательства в условиях равенства возможностей, и другое — отчужденное за счет административного ресурса и оформленное как «бизнес». Именно второе мы видим на Востоке, где чиновники «вкладывали свои более или менее законно полученные состояния в земельную собственность» (Вебер, 2017. С. 196).

«Времена Сун называют „золотым веком чиновничества“. Укрепляются и расширяются его привилегии. Получение чина и солидной должности позволяло не только всю жизнь наслаждаться роскошью, но и обеспечить безбедное существование нескольким поколениям потомков» (Алаев, Ашрафян, 2002. С. 312). Показательны рассуждения Вебера о «внутриполитическом хищническом капитализме» патримониальных государств: «В целях сохранения состояния сыновья объединялись в сообщества, которые обеспечивали членов семьи средствами на обучение, чтобы те могли занять доходные должности и еще больше обогатить сообщество, а также добыть должности для других сородичей. Так путем политического накопления возник слой земельных магнатов, не имевший ни феодального, ни буржуазного характера, а спекулировавший шансами на эксплуатацию чисто политических должностей» (2017. С. 198). Со ссылкой на газету «North China Herald» он пишет: должность таможенного надзирателя в Гуанчжоу славилась огромными шансами накопить состояние, «доходы за первый год службы шли на покупку должности, за второй — на „подарки“, а доходы за последний, третий, год чиновник оставлял себе» (Вебер, 2017. С. 196). Какой уж тут «широкомасштабный государственный интервенционализм» в целях «форсированной модернизации»!

Как на этом фоне может выглядеть фраза «собственность рождает власть, а не наоборот»? Если учесть масштабы коррупции чиновников в современных авторитарных государствах, она и вовсе вызовет недоумение. Для огромного количества социальных акторов на Востоке (и в России) власть была (и остается) источником обогащения, а частная собственность растет как средство сохранения и приумножения этого богатства.

Но критик настаивает: «Отношения редистрибуции, перераспределительные функции чиновников, на Западе охватывают от 30 до 60% ВВП» (Колганов, 2017. С. 92), вырывая факт из политического и исторического контекста. Ни гласность деятельности чиновников, ни прозрачность государственных транзакций в демократической стране не равна таковым в авторитарной. А перераспределение на Западе потому не приводит к негативным последствиям вплоть до полной стагнации экономики и распада государства, что осуществляется в условиях не «власти-собственности», а принципиально иной системы отношений.

Казалось бы, упоминание «отношений» возвращает к материализму, и мы не сомневаемся в когнитивных возможностях этой *философской* позиции для решения исторических проблем. Но она должна применяться не как универсальная формула, а как метатеоретическое обоснование научного исследования, которое еще только *нужно* провести. Пока же ясно, что взаимодействие реальностей, названных в марксизме «экономическим базисом» и «политической надстройкой», исторически менялось. Политические факторы существуют относительно самостоятельно и оказывают влияние — положительное и отрицательное — на экономическую динамику. Если бы это было не так, об институционализме как мейнстримном направлении

современного экономического анализа не было бы речи. Однако и его сторону нельзя принять однозначно, поскольку вопрос о силе этого влияния, его продолжительности пока не закрыт. Используемый им понятийный аппарат «экстрактивных и инклюзивных институтов» (Аджемоглу, Робинсон, 2016), безусловно, полезен для изучения проблем развивающихся стран, однако не снимает вопрос о происхождении и причинах устойчивого воспроизводства эффективных институтов. Их внедрение приводило к современному экономическому росту не всегда. Особенно эффективной «лабораторией» по проверке тезисов институционализма стал колониальный период истории Востока. Он показал, что эффект от введения частной собственности и сопутствующих институтов в Британской Индии, Французском Индокитае и других колониях зависел от множества обстоятельств, но прежде всего — от уровня развития самих этих обществ к началу колонизации. Вопрос остается открытым.

Заключение

Причина возникновения феномена власти-собственности на Востоке не является чисто юридической. Это комплекс естественно-географических, технологических, социально-экономических и политических обстоятельств. Но это — проблема *происхождения* явления, которую полезно отделить от проблемы его *воспроизводства* и влияния на дальнейший экономический рост. Всю последующую историю эти обстоятельства отходят на второй план, становятся несущественными для экономического развития, но феномен неуклонно воспроизводится даже сегодня, когда ни климат, ни ирригация, ни община не имеют никакого значения. Чем дальше заходят технический прогресс и глобализация на основе рыночной экономики с беспрецедентным для Востока ростом уровня жизни, тем меньше остается «исторических» оснований для сохранения этого явления. Оно превращается в чисто политическое обстоятельство, тормозящее экономическое развитие. Поэтому ссылаться на причины его возникновения в древности для апологии современного государственничества безосновательно. Полезнее искать способы минимизации отрицательных эффектов данного явления в современной экономике, а в рамках комплексных междисциплинарных исследований — изучать механизм его исторического воспроизводства.

Критика марксистских категорий не означает, что они не работают. Однако, во-первых, история показывает наличие деструктивных процессов независимо от «уровня развития и характера производительных сил», во-вторых, каждый новый цикл восточной истории обнаруживает их рост не только «сам по себе» (мальгузианский), но и вследствие новых форм производственных отношений (смитианский). Но в какой-то момент все это — и производительные силы, и производственные отношения — входит в противоречие с государственной системой. И срабатывает то, что актуализировано в концепции власти-собственности: жесткая связь государства и собственности приводит к ослаблению и крушению первого. То, что укрепляет государственность в других условиях, —

рост городов, развитие ремесла и торговли, распространение аренды и наемного труда, — в данных условиях ее разрушает.

Понятие власти-собственности указывает на один из механизмов порождения циклов восточной истории и актуализирует важное свойство данного общества. Его государственность основана на том, что блокирует современный экономический рост — на общинной собственности на землю и гарантированной государством вечной крестьянской аренде. И когда эта основа разрушается под действием приватизации, общество в лице доминирующей силы — крестьян — восстанавливает ее в неизменном виде, вновь блокируя интенсивный экономический рост. И понятно почему: этот рост означает исчезновение крестьянского класса, а значит, и цивилизации в том виде, в каком она сложилась.

Тезисы критиков и сторонников концепции неприемлемо абстрактны. Их нужно применять конкретно, пропустив через теоретический уровень при помощи непосредственных методов обработки данных. Эту работу еще только *необходимо* провести, но очевидно, что феномен власти-собственности исторически менялся и по-разному воздействовал на разные отрасли традиционной экономики в разные фазы ее динамики.

Так же неоднозначно отношение государства к процессу модернизации. На ранних ее этапах, когда капиталистические отношения только возникают, ни о каком помогающем им государстве речи нет. Напротив, оно встает на сторону традиционных экономических слоев и отношений, а если и вмешивается в «передовые» — ремесло, торговлю, мореплавание, то исключительно из собственных (институциональных и личных) интересов, далеко не всегда совпадающих с национальными экономическими.

На поздних этапах перехода к современному росту государственные усилия могли стать и становились полезными. Но при этом нельзя не учесть важное обстоятельство: лидерами модернизации стали страны, отделившие власть от собственности. Концепция не идеальна, но чему она учит правильно: путь, обозначенный большинством экономических систем к богатству и процветанию, — это путь ограничения влияния власти на собственность. Поэтому есть еще ряд условий, без которых государственное вмешательство не приведет к положительным результатам — защита прав собственности, низкий уровень коррупции, прозрачность законов.

И дело не только в обеспечении роста. Выявленные социологами механизмы циклической динамики традиционных обществ — закупорка социальных лифтов, застой, перепроизводство и деградация элиты — удачно дополняются понятием власти-собственности. История показывает, что отсутствие смены элиты при сосредоточении политической власти и экономических ресурсов в одних руках обрекает общество на путь циклической динамики через крушение государства с неотвратимостью естественно-научного закона.

Список литературы / References

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2016). Почему одни страны богатые, а другие бедные. М.: АСТ. [Acemoglu D., Robinson J. (2016). *Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty*. Moscow: AST. (In Russian).]

- Алаев Л. Б., Ашрафян К. З., Иванов Н. И. (2000). История Востока: в 6 т. Т. 3. М.: Восточная литература. [Alaev L. B., Ashrafyan K. Z., Ivanov N. I. (2000). *The history of the East*, Vol. 3. Moscow: Vostochnaya Literatura. (In Russian).]
- Алаев Л. Б., Ашрафян К. З. (ред.) (2002). История Востока: в 6 т. Т. 2. М.: Восточная литература. [Alaev L. B., Ashrafyan K. Z. (eds.) (2002). *The history of the East*, Vol. 2. Moscow: Vostochnaya Literatura. (In Russian).]
- Аристотель (1983). Сочинения: в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль. [Aristotle (1983). *Works*, Vol. 4. Moscow: Mysl. (In Russian).]
- Бережной И. В., Вольчик В. В. (2008). Исследование экономической эволюции института власти-собственности. М.: Юнити-Дана. [Berezhnoy I. V., Volchik V. V. (2008). *Research of the economic evolution of the power-property institution*. Moscow: Unity-Dana. (In Russian).]
- Бессонова О. Э. (1999). Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. [Bessonova O. E. (1999). *Razdatok: Institutional theory of the economic development of Russia*. Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).]
- Васильев Л. С. (1982). Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М.: Наука. С. 60–99. [Vasilyev L. S. (1982). The phenomenon of power-property. The problem of the typology of pre-capitalist structures. In: *Types of social relations in the East in the Middle Ages*. Moscow: Nauka, pp. 60–99. (In Russian).]
- Васильев Л. С. (2003). История Востока: в 2-х т. Т. 1. М.: Высшая школа, 2003. [Vasilyev L. S. (2003). *History of the East*, Vol. 1. Moscow: Vysshaya Shkola. (In Russian).]
- Вебер М. (2017). Хозяйственная этика мировых религий: Опыт сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм. СПб.: Владимир Даль. [Weber M. (2017). *The economic ethics of world religions: Comparative sociology of religion. Confucianism and Taoism*. St. Petersburg: Vladimir Dal. (In Russian).]
- Гайдар Е. Т. (1997). Государство и эволюция. Как отделить собственность от власти и повысить благосостояние россиян. СПб.: Норма. [Gaydar E. T. (1997). *State and evolution*. Moscow: Norma. (In Russian).]
- Иванов Н. А. (ред.) (1993). Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М.: Наука. [Ivanov N. A. (ed.) (1993). *The phenomenon of Eastern despotism: The structure of governance and power*. Moscow: Nauka. (In Russian).]
- Кирдина С. Г. (2000). Институциональные матрицы и развитие России. М.: Теис. [Kirdina S. G. (2000). *Institutional matrices and development of Russia*. Moscow: Teis. (In Russian).]
- Колганов А. (2017). К критике концепции «власти-собственности» // Вопросы экономики. № 7. С. 79–95. [Kolganov A. (2017). To the critique of the “power-property” concept. *Voprosy Ekonomiki*, No. 7, pp. 79–95. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-7-79-95>
- Маркс К., Энгельс Ф. (1957). Соч. Т. 9. М.: Госполитиздат. [Marx K., Engels F. (1957). *Works*, Vol. 9. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).]
- Маркс К., Энгельс Ф. (1959). Соч. Т. 13. М.: Госполитиздат. [Marx K., Engels F. (1959). *Works*, Vol. 13. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).]
- Маркс К., Энгельс Ф. (1960). Соч. Т. 23. М.: Госполитиздат. [Marx K., Engels F. (1960). *Works*, Vol. 23. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).]
- Маркс К., Энгельс Ф. (1962). Соч. Т. 28. М.: Госполитиздат. [Marx K., Engels F. (1962). *Works*, Vol. 28. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).]
- Нуреев Р. М., Латов Ю. В. (2007). Конкуренция западных институтов частной собственности с восточными институтами власти-собственности в России 1990–2000-х гг. // VIII Международная научная конференция «Модернизация экономики и общественное развитие»: в 3 кн. Кн. 2 / Отв. ред. Е. Г. Ясин. М.: Издат. дом ВШЭ. С. 65–76. [Nureev R. M., Latov Y. V. (2007). Competition of Western institutions of private property with the Eastern institutions of power-property in Russia in 1990–2000s. In: E. G. Yasin (ed.). *Proceedings of the VIII International academic conference “Modernization of economy and social development”*, Vol. 2. Moscow: HSE Publ., pp. 65–76. (In Russian).]

- Нуреев Р., Рунов А. (2002). Россия: неизбежна ли деприватизация? (феномен власти-собственности в исторической перспективе) // Вопросы экономики. № 6. С. 10–31. [Nureev R., Runov A. (2002). Russia: Is deprivatization inevitable? (The phenomenon of power-property in historical perspective). *Voprosy Ekonomiki*, No. 6, pp. 10–31. (In Russian).]
- Плискевич Н. (2008). Система «власть-собственность» в современной России // Вопросы экономики. № 5. С. 119–126. [Pliskevich N. (2008). The power-property system in contemporary Russia. *Voprosy Ekonomiki*, No. 5, pp. 119–126. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-5-119-126>
- Плискевич Н. М. (2018). Архаичный патернализм как органическая часть системы «власть-собственность» // Общественные науки и современность. № 1. С. 17–32. [Pliskevich N. M. (2018). Archaic paternalism as an organic part of the “power-property” system. *Obshchestvennyye Nauki i Sovremennost*, No. 1, pp. 17–32. (In Russian).]
- Розов Н. С. (ред.) (2001). Разработка и апробация методов теоретической истории. Новосибирск: Наука. [Rozov N. S. (ed.) (2001). *Elaboration and approbation of the method of theoretical history*. Novosibirsk: Nauka. (In Russian).]
- Розов Н. С. (2009). Историческая макросоциология: методология и методы. Новосибирск: НГУ. [Rozov N. S. (2009). *Historical macrosociology: Methodology and methods*. Novosibirsk: NGU. (In Russian).]
- Смит А. (2007). Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо. [Smith A. (2007). *An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations*. Moscow: Eksmo. (In Russian).]
- Яacobson В. А. (ред.) (2002). История Востока: в 6 т. Т. 1. М.: Восточная литература. [Yakobson V. A. (ed.) (2002). *The history of the East*, Vol. 1. Moscow: Vostochnaya Literatura. (In Russian).]
- Wittfogel K. A. (1957). *Oriental despotism: A comparative study of total power*. New Haven: Yale University Press.
-

To the critics and in the defence of the “power-property” concept

Dmitry V. Trubitsyn

Author affiliation: Transbaikal State University (Chita, Russia).

Email: dvtrubitsyn@yandex.ru

The analysis of the power-property concept and its critics shows that the question in issue is not the phenomenon itself but its intensity in a certain historical period in a certain country. Therefore, methods of theoretical history are necessary for positive knowledge accumulation in Eastern historical studies of problems of laissez-faire and dirigisme during the transition to modern economic growth. It enables to overcome the metaphysical character of reasoning, which is especially typical for the Marxists. Their conceptual framework, however, should not be applied by default – only as a metatheoretical basis for forthcoming research. The paper points out another range of issues related to both “materialistic” and “institutionalist” explanations of the power-property phenomenon; it is suggested to separate such issues as the origin of the phenomenon and its further reproduction. The argumentation is based on the data of the historiography of China, as well as on the key concepts of historical sociology relating to the studies of the cyclic dynamics of traditional societies.

Keywords: power-property, the East, modernization, modern economic growth, Marxism, materialism, institutionalism.

JEL: B20, B40, N10, P00, P20.